

Но ни в коем случае нельзя заканчивать это печальным образом. У Хэ Ци возникло смутное предчувствие, что Син Янь вернётся в свой прежний мир, туда, где его ждут цветы, аплодисменты и свет софитов. Тогда ему останется лишь помахать платочком, попрощаться с ним, пожелать всего наилучшего и сказать, что они будут поддерживать связь, добавив номера телефонов в контакты, как старые друзья, каждый с прекрасными воспоминаниями отправляясь в свой путь. Это будет лучшим исходом для них обоих.

Когда Хэ Ци наконец понял это, он заметил, что выражение лица Син Яня изменилось. Тот опустил глаза, казалось, он был глубоко опечален. Хэ Ци выдавил улыбку, похлопал его по плечу и утешил:

— Прости, это я виноват. Ты же знаешь, я всегда так говорю. Если тебе от этого некомфортно, я извиняюсь, хорошо?

Син Янь ответил печальной улыбкой:

— Я не понимаю, зачем ты извиняешься.

Хэ Ци не убрал руку и просто сказал:

— Я сам не знаю, зачем извиняюсь. Каждый раз, когда я вижу, что у тебя изменилось выражение лица, я думаю, что это я виноват. Может, я сказал что-то не то или сделал что-то, что тебя расстроило. Ты же знаешь, у меня острый язык, я часто говорю, не думая, и бываю с тобой груб, но это не моя истинная суть.

— Я понимаю.

После этих слов Син Яня они оба замолчали, стоя лицом к лицу. Затем Хэ Ци сказал:

— Хочешь вернуться? Давай вернёмся.

Он поднял большой палец, указывая на толпу позади, которая ещё не рассеялась.

Син Янь покачал головой и сказал:

— Давай вернёмся.

В этот момент Син Янь понял всё, что Хэ Ци не сказал прямо, но что явно прослеживалось в его словах.

— Если ты один из «тех», то это нормально, у меня нет никаких предубеждений. Но ты не можешь влюбиться в меня.

Здесь, в этом шумном и оживлённом месте, сердце Син Яня замерзло. Ещё мгновение назад он с самодовольством погрузился в безумные фантазии, от которых не мог оторваться. Один взгляд или жест Хэ Ци с лёгкостью низверг бы его в восемнадцатый слой ада, откуда не было возврата.

Он умел читать язык тела Хэ Ци, и сейчас он бесконечно сожалел, что обладал этим навыком. Хэ Ци просто уловил намёк на его случайно проскользнувшие чувства и уже так разозлился. Он ещё ничего не сказал, всё было скрыто подо льдом, и это уже было невыносимо. Если однажды он полностью раскроет свои чувства перед ним, то, вероятно, будет сожжён его гневом дотла.

Он поднял глаза, скрывая все свои эмоции:

— Сегодня было очень приятно. Давай вернёмся, Хэ Ци.

Хэ Ци пошёл вперёд, начав без умолку рассказывать о том, как в прошлом году он смотрел здесь другую уличную концертную программу. Тогда сцена была намного профессиональнее, а артисты были настоящими подпольными музыкантами, не то что сегодня. Конечно, это не значит, что сегодняшние артисты плохи... Я просто говорю... Студенты должны совмещать учёбу, поэтому их нельзя назвать профессионалами. Ты был лучшим из них, поверь, настоящий журавль среди кур! Ты знаешь, что значит «журавль среди кур»? Это... Ах! Лапшичная! Давай зайдём поесть лапши, раз уж мы здесь, съедим что-нибудь вкусное!

Хэ Ци уже полностью забыл о том, что произошло, и, не обращая внимания на окружающих, потащил Син Яня за руку вперёд, словно боясь, что тот потеряется по дороге. И это неудивительно, ведь Син Янь выглядел совершенно потерянным, его лицо было бледным, как будто он вот-вот исчезнет. Если бы он не тянул его за собой, то, возможно, тот бы просто потерялся в толпе.

Хэ Ци не видел, как из глаз Син Яня упала слеза, которую тот поспешно смахнул. Когда он обернулся, перед ним было улыбающееся лицо.

— Сюда? — с улыбкой спросил Син Янь.

Хэ Ци смущённо ответил:

— Нет... Очередь уже до соседнего магазина, к тому времени, как мы дойдём до очереди, мы уже умрём с голоду. Давай пойдём в другое место.

Они отправились в недалеко расположенную лапшичную, где как раз был свободный столик.

Пока они ели лапшу, Хэ Ци, глядя на него, не удержался и спросил:

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты чувствительный? О! Чувствительный значит...

— Я знаю, что это значит.

Хэ Ци сразу замолчал, но затем снова заговорил:

— Может, мои слова не слишком приятны, но не принимай их близко к сердцу.

Он словно решил на что-то и осторожно, с пробным тоном спросил:

— Я не разбираюсь в панических расстройствах, но как ты думаешь, может ли это быть связано с твоим характером? То есть... как сказать... эмоциональностью? Как это слово... sen... sensitive?

Когда он с трудом произнёс это слово, Хэ Ци почувствовал лёгкое облегчение: хорошо, что сдал экзамен на четвёртый уровень.

Однако Син Янь не обратил внимания на его неуместное волнение и холодно ответил:

— Возможно.

Это расстроило Хэ Ци, и он невольно задумался, не сказал ли он снова что-то не то. Сегодня

Син Янь казался каким-то странным, но что именно было не так, он не мог понять. Хэ Ци тщательно вспомнил, что уже с вечера тот выглядел так, будто хотел что-то сказать, но не мог. Однако на улице он, возможно, случайно разрушил все его намерения.

Вчера он чувствовал, что они наконец смогли быть откровенными друг с другом, но теперь за этим столом, шириной менее полуметра, Хэ Ци снова ощутил огромную дистанцию между ними. Он был слишком простодушным, прямолинейным и в то же время наивным. Мысли Син Яня были, конечно, запутанными, но даже если бы он полностью их выразил, смог бы Хэ Ци понять их? Не сказал бы он снова что-то, что перевернёт всё услышанное и почувствованное, подстроив под свои собственные предпочтения?

В последнее время ему становилось всё сложнее говорить Син Яню что-то резкое, особенно после того, как он увидел его настоящую сторону.

Красивый и хрупкий?

Когда он впервые играл на пианино, Хэ Ци, с его, как он сам считал, скудным воображением, мог думать только об этих двух словах, которые совсем не подходили для описания мужчины ростом под метр восемьдесят. И его отношение к Нюню и её сыну, его прошлое, его слёзы, его вид при первой встрече... Каждый раз, когда он видел его печальное выражение лица, Хэ Ци чувствовал себя неловко. Получается, что «чувствительным» был не Син Янь, а он сам.

Выражение лица Син Яня было таким, будто он вот-вот заплачет, и в груди Хэ Ци застрял камень, который не давал ему покоя. Этот долгожданный ужин не принёс никакой радости.

Чем дольше длилось это напряжение, тем больше Хэ Ци раздражался. Ему почти хотелось опрокинуть стол перед собой, схватить Син Яня за воротник и закричать:

— Что тебя так расстроило? Скажи мне! Это я виноват? Я тебя обидел? Не молчи! Я терпеть не могу, когда люди держат всё в себе, скажи мне, что случилось, идиот!

Но даже после того, как они закончили этот неприятный ужин и вышли из лапшичной, Хэ Ци не выплеснул все свои эмоции на него.

Отправились в путь с улыбками и смехом, но возвращение было печальным.

Син Янь шёл впереди, ссутулившись, опустив голову, волоча за собой хвост печали, медленно двигаясь по тротуару из красного кирпича, словно огромный зверь, потерявший свой дом. Вся мировая скорбь, казалось, обрушилась на него в этот момент.

Хэ Ци с раздражением смотрел на эту высокую фигуру, чувствуя, как его переполняет досада. Ему пришлось замедлить шаг, чтобы не обогнать его.

Он был зол. Син Янь с самого выхода из лапшичной не смотрел на него, полностью погрузившись в свои эмоции. Сначала он ещё мог отделаться парой мычаний, но потом и вовсе перестал реагировать, только качал головой и вздыхал, не поднимая глаз, что бы ему ни говорили. Это было невыносимо!